

УДК 903.45

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: munch@iaras.msk.su*

СЕВЕРНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ*

С 1969 г. экспедиция Института археологии АН СССР впервые в истории отечественной науки приступила к широкомасштабным полевым исследованиям в Месопотамии. Роль последней в истории развития человечества хорошо известна. С ней связаны такие важнейшие явления общеисторического характера, как переход к производящим формам экономики, прежде всего земледелию и скотоводству, укоренение оседлости, выработка навыков домостроительства, развитие металлургии, изобретение колеса и совершенствование транспортных средств, появление древнейшей в мире письменности, наконец, сложение городов и государственных образований.

Наиболее ранняя цивилизация – шумерская – хронологически сопоставима лишь с египетской, а наиболее ранняя – урукская – ее ступень, относящаяся ко второй половине IV тыс. до н.э., предшествует первому государственному образованию в долине Нила – Старому царству.

В науку понятие Месопотамии вошло менее 200 лет назад. И если сейчас определены основные контуры этого важнейшего для человеческой истории феномена и плодотворно исследуется связанная с ним проблематика, то основная заслуга здесь принадлежит археологии. И недаром в начале XX столетия говорили, что если XV век открыл Америку, то XIX – Месопотамию.

Начатые в 40-х гг. XIX в. исследования памятников междуречья Тигра и Евфрата знаменовали рождение археологии Ближнего Востока. С тех пор она прошла долгий путь от бессистемной охоты за эффектными находками до выработки подлинно науч-

ной методики. Процесс этот развивался как бы по ретроспекции. Сначала была открыта культура позднеассирийского и нововавилонского периодов, а затем великая цивилизация Шумера и Аккада. С конца 20-х гг. XX в. все более пристальное внимание стали привлекать памятники еще большей древности, связанные с корнями отмеченных цивилизаций, с путями их формирования в дописьменные периоды [Frankfort, 1932]. Целенаправленные исследования таких памятников уже в 1940 – 1950-х гг. позволили наметить основные ступени развития Месопотамии в VIII – IV тыс. до н.э. Стало очевидно, что Двуречье и прежде всего его северные области являлись одним из древнейших в мире очагов возникновения земледелия и скотоводства и сложения раннеземледельческих культур, явившихся основой всего дальнейшего развития [Oates D. and J., 1976]. Это обусловило формирование нового направления археологических исследований, успешно развивающегося и в настоящее время [Мунчаев, Мерперт, 1983].

Российские ученые издавна с большим вниманием относились к археологическим открытиям в Месопотамии, внося значительный вклад в их анализ и историческую интерпретацию. Достаточно вспомнить имена И.В. Никольского, Б.А. Тураева, И.М. Дьяконова и др. Но в силу ряда обстоятельств непосредственно в полевых исследованиях Месопотамии ученые России не участвовали ни в XIX, ни в первой половине XX в. Перед нашей наукой остро встал вопрос о необходимости организации полевых археологических работ на Ближнем Востоке и прежде всего в Месопотамии.

В 1966 г. в процессе визита делегации АН СССР в Ирак по случаю открытия Национального археологического музея состоялись переговоры с иракской

*Настоящая статья написана в рамках выполнения проекта РГНФ № 99-01-00043а.

стороной, которая предложила организовать российскую экспедицию в Ираке. А в следующем году АН СССР командировала сотрудников Института археологии Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера в Ирак для официального согласования вопроса и выбора объектов для стационарных исследований советской экспедиции. Выбор был остановлен на группе теллей под общим названием Ярм-Тепе, расположенной примерно в 100 км к западу от г. Мосула, в совершенно неизученной Синджарской долине, на северо-западе Ирака, у границ его с Сирией и Турцией. Исключительная важность данной территории, связывающей Северную Сирию и Восточное Средиземноморье с глубинными районами Месопотамии, определялась достаточно четко. А насыщенность ее археологическими памятниками, начиная с VII – VI тыс. до н.э., свидетельствовала о чрезвычайной активности культурно-исторического процесса в древности в данном регионе Месопотамии.

Инициатива Института археологии АН СССР по организации археологических исследований в Ираке была поддержана, и в 1968 г. постановлением Президиума АН СССР Институту археологии было поручено организовать с 1969 г. экспедицию в Ирак с целью изучения проблем становления производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур и формирования древнейшей цивилизации [Мунчаев, Мерперт, 1998, с. 67].

Вот так, с отставанием от западной науки более чем на 100 лет, ученые России приступили к исследованиям в Месопотамии.

В Северо-Западном Ираке экспедиция Института археологии РАН провела 14 полевых сезонов (1969 – 1980, 1984, 1985 гг.). Все эти годы работы были сконцентрированы в долине и предгорьях Синджара. Лишь в последний сезон (1985 г.) экспедиция приняла участие в реализации проекта Эски-Мосул по спасению памятников археологии в зоне затопления по правобережью Тигра, в 50 км к северо-востоку от г. Теллафар.

С 1988 г. и по настоящее время наша Месопотамская экспедиция ведет полевые исследования на смежной с Ираком территории Северо-Восточной Сирии, являющейся непосредственным продолжением той же Синджарской долины.

Таким образом, российская экспедиция провела в Северной Месопотамии более 25 полевых сезонов. В результате получены многочисленные и разнообразные данные, отражающие важнейшие этапы культурно-исторического развития дописьменной Месопотамии с конца VIII до середины III тыс. до н.э. Представить их в одной статье, разумеется, невозможно. Они, и прежде всего результаты раскопок в Ираке, уже получили освещение в серии публикаций в российских и зарубежных научных изданиях [Мунчаев, Мер-

перт, 1981, 1999; Бадер, 1989; Early stages..., 1993; и др.]. Поэтому мы ограничимся характеристикой лишь самых основных итогов исследований в Ираке и главное внимание уделим принципиально важным результатам наших работ в Сирии, особенно не изданным до сих пор материалам.

В Северо-Западном Ираке экспедиция открыла и исследовала целую группу памятников VIII – IV тыс. до н.э. Среди них первое для данного региона Месопотамии поселение с восьмиметровым культурным слоем докерамического неолита – Телль-Магзалия [Бадер, 1989, с. 19 – 108]. Оно находится на границе долины и предгорий Синджара. Прямоугольные дома на каменных массивных фундаментах были сооружены из глины. Важная особенность поселения состоит в том, что оно было укреплено с одной, напольной стороны каменной стеной, сохранившейся местами на высоту до 2 м и вскрытой на протяжении около 60 м. Это – древнейшее из известных в Месопотамии оборонительное сооружение и один из наиболее ранних фортификационных объектов вообще. Поселение датируется концом VIII – первой половиной VII тыс. до н.э.

Культурный слой Телль-Магзалии дал чрезвычайно важные материалы, как археологические, так и палеоботанические и фаунистические. Достаточно сказать, что собранная здесь палеоботаническая коллекция включает около 300 зерен и семян культурных и дикорастущих растений, в том числе пшеницы-однозернянки, двузернянки и карликовой пшеницы, а также многорядного ячменя [Лисицына, 1989].

По остаткам фауны хорошо прослеживается, как охота вытесняется скотоводством. В слое начального периода существования поселения преобладают кости крупных стадных животных (бизона, онагра, газели), которые служили объектом охоты, кости домашних овец и козы единичные. Однако уже на среднем этапе их число достигает 70 – 80% от общего количества фаунистических остатков из культурного слоя [Гаджиев, 1989].

Сенсационными явились находки, свидетельствующие о зарождении металлургии в Месопотамии, – куски медной руды и особенно медное кованое шило [Рындина, 1989]. Последнее сделано из самородной меди, происходящей из иранских месторождений. Эти данные показывают, что использование металла в Месопотамии, как и в смежных областях Ближнего Востока, началось еще до появления керамики.

Основными материалами для изготовления орудий труда и оружия служили местный кремний и привозной (из Восточной Анатолии, конкретно из района оз. Ван) обсидиан.

Таким образом, полученные данные из Телль-Магзалии имеют принципиальное значение не только для изучения начала развития земледелия, скотоводства

и металлургии, но и для социальной характеристики общества, способного уже создавать сложные поселенческие структуры и устанавливать широкую систему связей и обмена с достаточно отдаленными областями.

Следующим важным этапом развития Месопотамии явилось освоение долин Тигра и Евфрата. Эта проблема в равной мере актуальна как в историко-археологическом, так и палеоэкологическом аспектах. Между тем вплоть до начала работ российской экспедиции в Ираке она оставалась неисследованной. Эта лакуна была заполнена с открытием и раскопками экспедицией в Синджарской долине поселений Телль-Сотто и Кюль-Тепе [Бадер, 1989, с. 109 – 198]. Последние характеризуют древнейшую земледельческую культуру, начавшую складываться и распространяться на севере месопотамской долины в VII тыс. до н.э. По исследованному экспедицией памятнику она получила название культура Телль-Сотто.

Телль-Сотто и Кюль-Тепе представляли собой небольшие поселки площадью менее 1 га, застроенные одно- или многоквартирными домами со стенами, сложенными из глиняных блоков. Полы и стены были оштукатурены. Внутри домов выделены хозяйственные помещения с очагами и печами со сводами. Основная инновация в производстве – появление керамики, представленной как грубыми толстостенными сосудами для воды и зерна, так и небольшими горшками, иногда украшенными примитивной росписью. Среди каменных изделий преобладают орудия, связанные с земледелием, – кремневые лезвия для серпов, зернотерки, песты и т.д. Найдены также превосходно выполненные сосуды из мрамора. Важно подчеркнуть, что традиция использования самородной меди получила продолжение в культуре Телль-Сотто – в одном из погребений найдены медные бусы.

Сравнительная редкость поселений культуры Телль-Сотто соответствует самому началу заселения ранними земледельцами подгорной равнины. Широкое освоение долин Верхней Месопотамии начинается с конца VII тыс. до н.э., когда на основе культуры Телль-Сотто сложилась так называемая хассунская культура.

До начала работ российской экспедиции хассунская культура считалась самой ранней оседлоземледельческой культурой Месопотамии и была представлена, по существу, одним исследованным памятником – поселением Телль-Хассуна [Lloyd, Safar, 1945]. Нашей же экспедицией выявлена целая серия хассунских поселений, на трех из которых исследованы соответствующие слои. Исключительно широкие по масштабам работы проведены на Ярым-Тепе I, где исследована площадь в 1700 м². Его слой мощностью 6 м, расчлененный на 12 строительных горизонтов, выведен на материк на площади 400 м². Здесь

раскопаны остатки более 1000 жилых и хозяйственных сооружений и собран огромный по количеству и разнообразию материал [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 18 – 155].

Среди находок – наиболее крупная из известных до сих пор коллекция хассунской керамики; коллекция металла, состоящая из кусков медной руды, пронизок и других украшений из меди и уникального массивного свинцового браслета диаметром до 10 см, представляющего собой древнейшее изделие из данного металла в Месопотамии; а также самая значительная на сегодняшний день коллекция антропоморфной пластики Северной Месопотамии VI тыс. до н.э. [Там же, прил. 3, с. 307 – 316].

Раскопки Ярым-Тепе I изменили общее представление о ходе развития раннеземледельческих культур Северной Месопотамии. В настоящее время Ярым-Тепе I по масштабу проведенных на нем раскопок, общей информативности материала и стратификации культурного слоя считается, по общему признанию, наиболее исследованным и самым значительным хассунским памятником Месопотамии.

Не меньшее внимание уделила экспедиция следующему этапу развития Двуречья, представленному известной халафской культурой (конец VI – первая половина V тыс. до н.э.). До начала работ российской экспедиции исследовались лишь единичные памятники данной культуры, но ни на одном из них раскопки не были доведены до начальных горизонтов культурного слоя.

Экспедиция провела раскопки двух памятников халафской культуры – Ярым-Тепе II и III. На первом халафский слой достигал мощности 7 м, а на втором – 8 м. На Ярым-Тепе II раскоп на площади 500 м² выведен на материк, а на Ярым-Тепе III в двух траншеях исчерпан весь культурный слой [Там же, с. 156 – 283; Merpert, Munchaev, 1993, p. 163 – 205]. Кроме того, на этих памятниках была открыта значительная группа погребений, позволившая впервые охарактеризовать погребальный обряд населения Северной Месопотамии V тыс. до н.э. [Мунчаев, Мерперт, 1982a].

Распространение халафской культуры в Месопотамии сопровождалось появлением абсолютно новой формы домостроительства в виде однокомнатных круглых в плане жилых и хозяйственных сооружений типа толоса и оригинальной расписной керамики.

До наших раскопок толосовидных сооружений было открыто в Месопотамии менее 20, и большинством археологов они рассматривались как исключительно культовые постройки. Но после исследований российской экспедиции стало очевидно, что это прежде всего жилые и хозяйственные постройки. Нами же вскрыты на исследованных памятниках остатки около 80 толосовидных сооружений, что значительно превышает общее количество толосов, раскопанных

на всех остальных халафских поселениях Месопотамии [Munchaev, 1997].

Из Ярм-Тепе II происходит самая значительная в настоящее время коллекция халафской расписной керамики, совершенной в технологическом отношении и удивительной по разнообразию мотивов росписи. Преобладает орнаментация геометрического характера [Мунчаев, Мерперт, 1981, рис. 85 – 97]. Отмечены и замечательные изобразительные мотивы, представленные рисунками букраний, рыб, птиц (рис. 1, 4), змей, диких животных (рис. 1, 3) [Там же, рис. 102].

Особого внимания заслуживают уникальные антропоморфный (рис. 1, 1) и зооморфный, в виде изображения свиньи (рис. 1, 2), сосуды – подлинные шедевры искусства древнейшей Месопотамии [Там же, рис. 98, 99]. Найдены и оригинальные образцы халафской антропоморфной скульптуры.

Нами обнаружены не только поразительная по художественному уровню керамика, но, что весьма важно, и остатки гончарных печей довольно сложной конструкции, в которых эта керамика обжигалась [Там же, рис. 54, 55].

Из других многочисленных находок отметим только уникальную медную печать, древнейшее изделие подобного рода. Она была найдена на Ярм-Тепе II под полом одного толоса, вероятно, культового назначения.

Получены и другие важные материалы, которые в комплексе с остальными данными впервые позволяют охарактеризовать все периоды развития Халафа вплоть до смены его прашумерийской убейдской культурой (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.). Последняя также представлена в исследованиях экспедиции, в частности верхним слоем Ярм-Тепе III, достигающим мощности 4 м [Мунчаев, Мерперт, 1982б]. Материалами этого памятника документируется переход от халафской культуры к культуре Северного Убейда. То же следует констатировать в отношении раскопанного экспедицией поселения Телль-Хомси (материалы пока не опубликованы) на правобережье Тигра, где в 17-метровом слое отражен ряд последовательных этапов развития убейдской культуры.

Проведенные экспедицией раскопки в Ираке беспрецедентны по своим масштабам и результативности. Они во многом являются ныне эталонными. Итоги этих работ получили широкую известность и признание. Как отметили корифеи ближневосточной археологии С. Ллойд, Дж. Меллаарт, Ж. Хьюо и другие, в настоящее время без учета результатов российских исследований невозможно уже решать ни одну важную проблему дописьменной Месопотамии [Lloyd, 1978; Mellaart, 1975; Huot, 1994; и др.]. В данной связи отметим и знаменательное признание, сделанное известным английским ученым Дж. Отс. В ре-

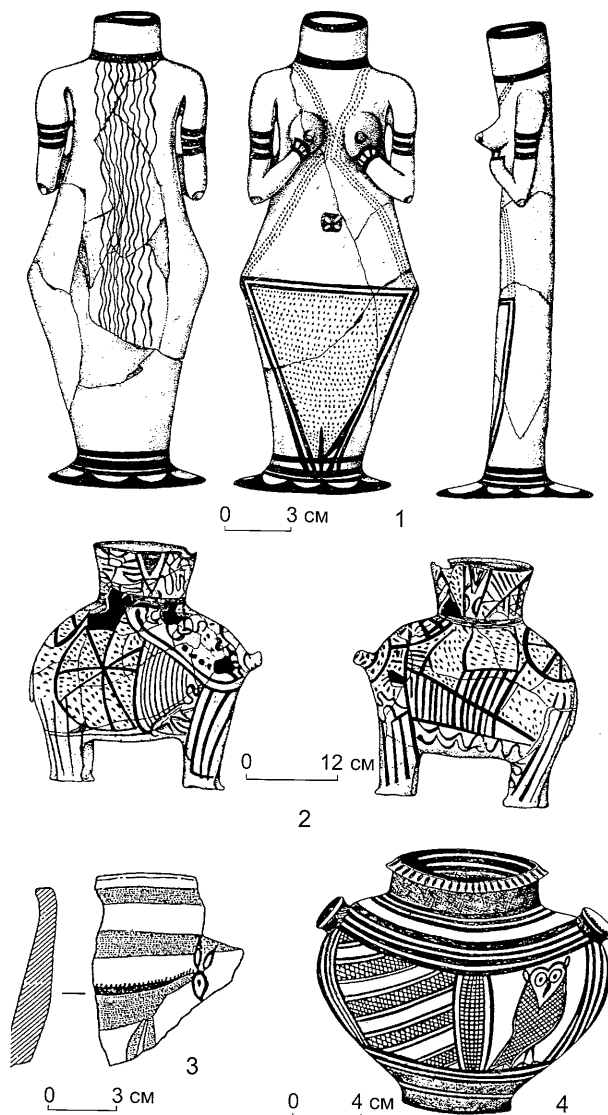

Рис. 1. Расписная керамика халафской культуры из поселений Ярм-Тепе II (1, 2) и III (3, 4). 1 – антропоморфный сосуд в виде флякона; 2 – зооморфный сосуд; 3 – обломок горшка с изображением онага (?); 4 – сосуд с изображением совы.

цензии на книгу [Early stages..., 1993] она подчеркнула, что если до недавнего времени лидирующую роль в исследовании севера Месопотамии играла британская археология, то теперь лидерство перешло к российской экспедиции, работы которой существенно изменили представление о неолите Месопотамии [Oates, 1994, p. 882 – 885].

Уже в процессе наших работ в Ираке стала очевидной необходимость расширения их прежде всего на смежные районы Сирии. И в 1988 г. мы начали исследования на сопредельной с Ираком территории Сирии, в ее северо-восточной части, составляющей современную провинцию Хасаке. Здесь нами ведутся

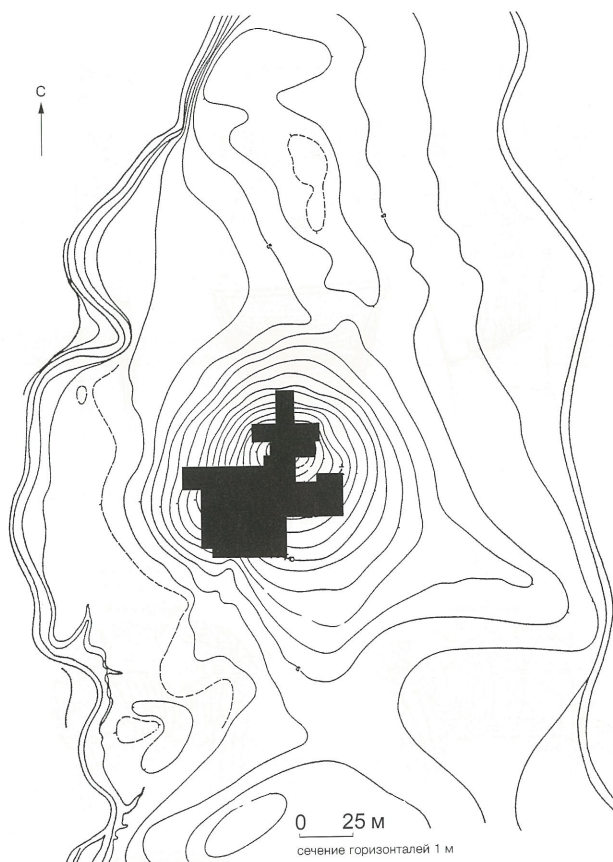
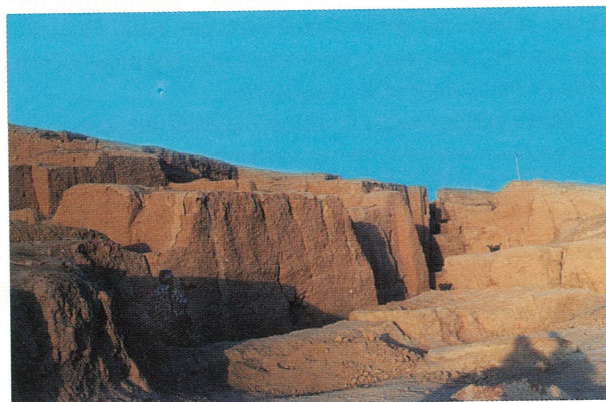

Рис. 2. Телль-Хазна I. Топографический план.

1

2

Рис. 3. Телль-Хазна I. Общий вид с юга (1) и древнейшие сооружения храмового комплекса – № 37, 69, 110 (2).

Рис. 4. Телль-Хазна I. Общий вид раскопок с северо-востока.

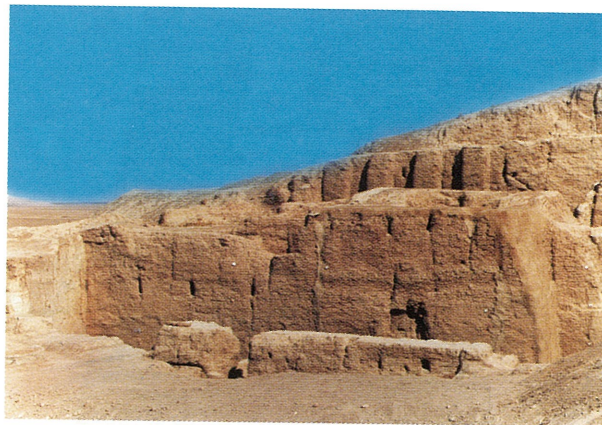

Рис. 5. Телль-Хазна I. Террасы-платформы.

раскопки двух памятников – Телль-Хазна I и II, расположенных в 25 км к северо-востоку от г. Хасеке, близ сел Хазна и Аляви, по берегам вадии Ханзир, впадающей в Джаг-Джаг – левый приток Хабур.

Телль-Хазна II достигает в диаметре от 100 до 150 м при высоте 9 м. Здесь выявлены слои раннединастического периода, халафской и урукской культур, а также предхассунского времени. Небольшие работы (траншея площадью 42 м²), проведенные на восточном склоне телля, ограничились вскрытием в основном самого раннего слоя, достигающего в толщину 3 м и относящегося к архаической культуре Хассуны и культуре Телль-Сотто [Мунчаев, Мерперт, Амиров, 1993, с. 25 – 42]. В этом слое, в частности, обнаружено детское погребение в большом глиняном сосуде, сопровождавшееся глиняной и мраморной чашками и уникальным ожерельем из многоцветных каменных бусин. Большой интерес представляют выявленные в вышележащем слое погребения позднеурукского периода, в которых найдены сосуды, находящие аналогии в памятниках раннебронзового века Кавказа.

Основные же работы экспедиции сосредоточены на Телль-Хазне I. Это крупный холм диаметром в среднем 150 м при высоте 17,2 м. Мощность культурного слоя достигает 16 м. Значительная часть последнего (толщиной в среднем 12 м) относится в основном к раннединастической эпохе (I – II периоды). Ее подстилает почти четырехметровый слой с материалами урукской и (ниже) убейдской культур.

Исследования экспедиции направлены прежде всего на изучение слоев Телль-Хазны I раннединастической эпохи. Первоначально материалы их рассматривались нами как остатки поселения, относящегося к первой – третьей четверти III тыс. до н.э. [Мунчаев, Мерперт, Бадер, 1990]. Однако в результате дальнейших раскопок стало очевидно, что это не поселение, а остатки большого культового центра, создание которого началось, вероятно, уже в позднеурукский пе-

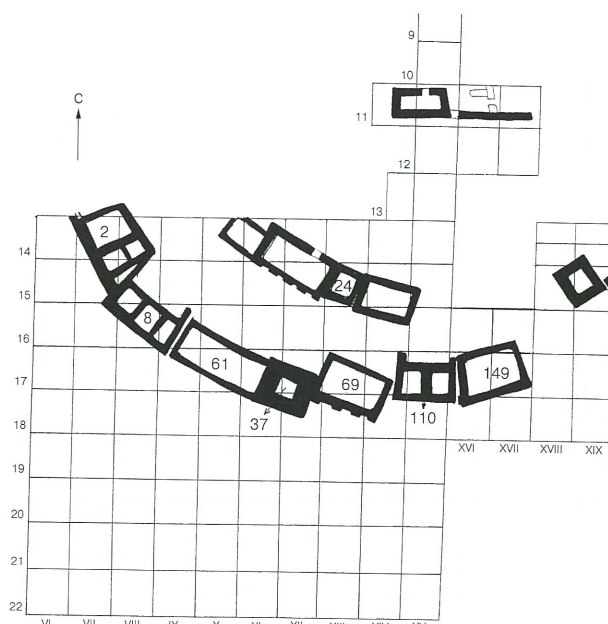

Рис. 6. План-схема древнейших монументальных сооружений на раскопанной площади памятника Телль-Хазна I.

риод, т.е. в конце IV тыс. до н.э. [Мунчаев, Мерперт, 1997, с. 5 – 28].

Раскопки охватили значительную площадь южной половины телля – более 2000 м² (рис. 2; 3, 1). Здесь зафиксирована густая застройка (рис. 4), которая на всех этапах своего развития была подчинена определенному плану. При этом главными звеньями планировки памятника в целом являлись наиболее монументальные сооружения (рис. 5), расположенные по дуге и явно не носившие жилого характера. Последнее относится и ко всем прочим вскрытым до сего времени сооружениям (раскопано уже около 250). Они не имеют ни характерного для жилищ интерьера, ни соответствующих кухонных и производственных остатков.

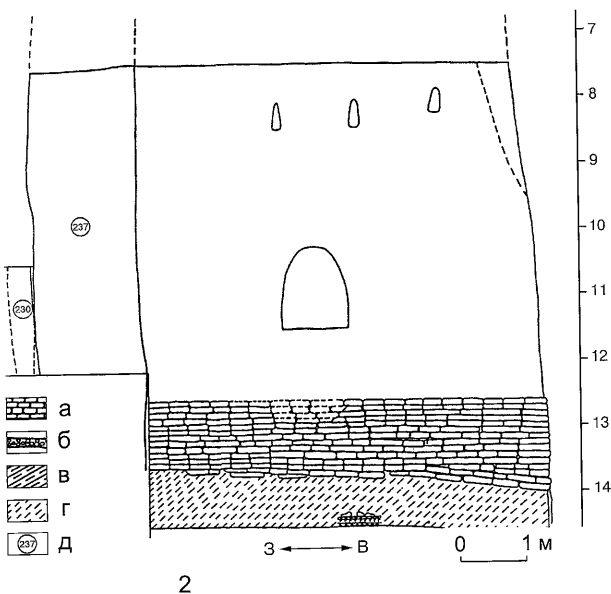
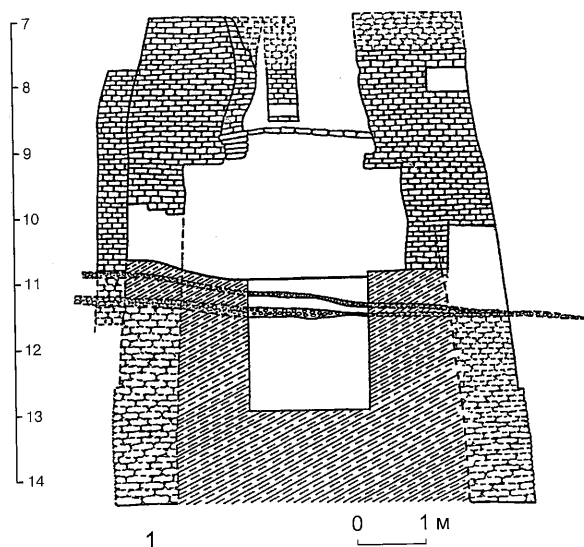

Рис. 7. Разрез башни № 37 по линии север – юг (1) и южный фас башни (2). Телль-Хазна I.

а – кирпичная кладка, б – каменная вымостка поверхностей, в – нераскопанная часть, г – слой специально выложенного суглинка, д – номер стены.

Вместе с тем ряд особенностей вскрытых построек – таких как оформление стен пилястрами, обмазка их цветной штукатуркой, группировка помещений по сторонам открытых дворов, наличие кирпичных “столов” для жертвоприношений – характерны прежде всего для храмовой архитектуры древней Месопотамии. Последней соответствует и такая особенность Телль-Хазны I, как расположение его сооружений на нескольких последовательных платформах-террасах. Подобные архитектурные комплексы Месопотамии выделяются исследователями в особый тип “высоких храмов” [Lloyd, 1978, p. 119].

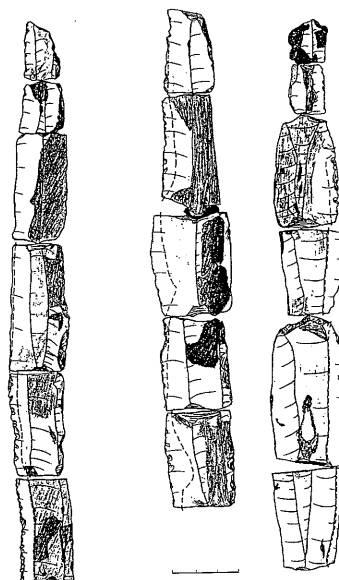

Рис. 8. Серпы из заклада. Телль-Хазна I, башня № 37.

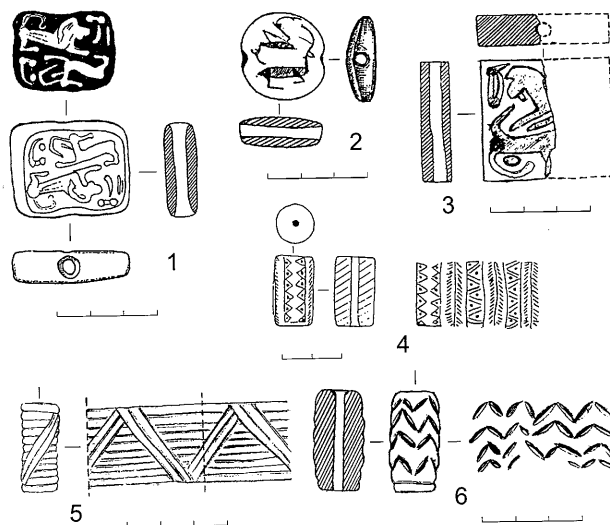

Рис. 9. Печати. Телль-Хазна I.

В настоящее время в Телль-Хазне I выявлено не менее трех искусственных платформ-террас, уровни которых различаются на высоту не менее 3 м. На каждой из них находились взаимосвязанные архитектурные комплексы, включавшие и монументальные сооружения, наиболее значительные из которых связаны с периодом основания этого культового центра и вкопаны в предшествующий – урукский – слой.

Прежде всего укажем на остатки массивной глиняной стены с южной стороны памятника. Она сохранилась на высоту 3,5 м и раскопана на протяжении 40 м. Подобные стены, овальные в плане, как известно,

ограждали храмовые комплексы в Телль-Убейде и Хафадже в Южной и Средней Месопотамии [Tunsa, 1984, р. 39, 96].

На раскопанной площади памятника обращает на себя внимание комплекс фундаментальных сооружений на нижней террасе, включавший, в частности, башню-зиккурат № 37 с примыкавшими к ней другими храмовыми сооружениями (рис. 6).

Башня № 37 в плане почти квадратная. Верхняя площадка ее $5,5 \times 6,2$ м. Башня сохранилась на высоту 8,0 м. Она покоилась на метровом цоколе из крупных сырцовых кирпичей, лежавшем на земляной “подушке”. Стены башни также были сложены из сырцовых кирпичей, но меньшего размера ($30 \times 20 \times 7$ см) и обмазаны слоем штукатурки, поверх которой сохранились следы зеленой краски.

Внутри башни расчищено прямоугольное в плане ($1,70 \times 2,30$ м) глубокое шахтообразное сооружение, состоявшее из трех камер, расположенных по единой вертикали и разделенных между собой кирпичными перекрытиями (рис. 7). В камерах обнаружены отдельные кремневые вкладыши серпов и фрагменты зернотерок, обломки глиняных сосудов, глиняные очажные подставки и фигурки животных. Эти камеры не могли служить ни жилищем, ни складскими помещениями. Наиболее вероятно предположение об их культовом назначении при явно сельскохозяйственном характере самого культа. В пользу такого предположения свидетельствует весьма интересная находка, обнаруженная в верхней части башни внутри ее южной стены, в одном из трех расположенных здесь щелевидных “окон”. Внутри крайнего восточного “окна” был устроен заклад, в котором находились 17 кремневых вкладышей от трех серпов (рис. 8) и каменная прямоугольная печать (рис. 9, 1).

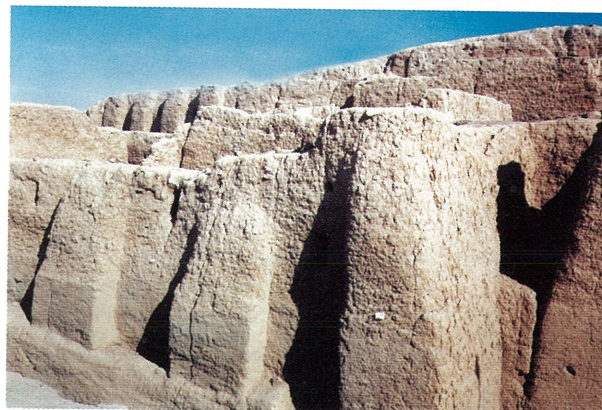
Ритуальный характер отмеченного заклада не вызывает сомнений. Состав же его достаточно точно соотносится с другими находками в башне и документирует связь с земледелием. Если этот жертвенный заклад знаменовал завершение строительства башни, то начало ее сооружения также было отмечено “строительной жертвой” в виде трех копытных, правильно уложенных на кирпичной кладке и перекрытых основанием храмовой конструкции.

Необходимо отметить, что в северной и южной стенах башни, на уровне 10 – 11,5 м от вершины телля, обнаружены ведущие во внутрь ее дверные проемы высотой в среднем 1,0 м и шириной до 0,9 м. Перед ними расчищены каменные вымостки, соединявшиеся между собой внутри самой башни. Эти вымостки перед башней были ограждены мощными стенами и имели следы ритуальных огневых действий.

Рассмотренная башня – древнейший в Северной Месопотамии памятник подобного рода. К ней с востока примыкала массивная, длиной более 8 м стена

1

2

Рис. 10. Телль-Хазна I. Стена № 69 (1) и стены “Нижнего” и “Верхнего” храмов с полупилястрами (2).

с четырьмя полупилястрами в верхней ее половине (рис. 10). Как и башня, она стояла на цоколе и достигала высоты 5,5 м. И на ней сохранилась штукатурка с зеленой окраской. Между полупилястрами в верхней части стены имелись симметрично расположенные сквозные проемы. Эта стена поворачивала к северу, почти вплотную примыкая к следующему монументальному сооружению (№ 110), стоящему на уровне, близком к основанию башни № 37 (рис. 11, 1). Оно имело также форму башни ($7,5 \times 5,0$ м в верхней части) и сохранилось в высоту на 8,3 м. В основании сооружения находилась такая же платформа, что и у башни № 37. Отметим еще одну показательную деталь. В верхней части данного сооружения, как и в башне № 37, были внутренние помещения, но не три, а два, оба прямоугольные (примерно $2,5 \times 2,0$ м). Их

1

2

Рис. 11. Телль-Хазна I. Сооружения № 110 (1) и 149 (2).

Рис. 12. Телль-Хазна I. Вид восточной половины раскопа с воздуха, где четко просматривается дугообразный план памятника. Фото Jan Driessen.

перекрытия были сводчатыми. Находок здесь крайне мало. Но в обеих камерах найдены кремневые и обсидиановые вкладыши серпов.

Вскрытие этих помещений еще не завершено. Но уже очевидно, что по многим показателям, а также стратиграфически они соотносятся с камерами башни № 37. Вероятна и близость их функционального назначения, хотя башня № 110 могла быть и хранилищем зерна, а также корма для скота [Fortin, Cooper, 1994, p. 44]. Процесс заполнения подобных башен с помощью специальных лестниц, ведущих к верхней площадке, документируется изображениями на цилиндрических печатях, найденных на синхронных и культурно близких памятниках Месопотамии [Amiet, 1959, p. 39 – 44, fig. 6; Schwartz, 1987, p. 94 – 96; Pittman, 1993, fig. 3].

К башне № 110 с востока вплотную примыкало такое же массивное сооружение – № 149 (рис. 11, 2). Оно имело трапециевидную форму и крестообразно расположенными стенами разделялось на четыре помещения. Примечательно, что в одной из этих стен между кирпичами было замуровано ожерелье из 109 пастовых, хрустальных, сердоликовых, гагатовых, бирюзовых, костяных бусин и ракушек, а также нескольких серебряных (?) подвесок. Следует подчеркнуть

наличие внутри сооружения № 149 мощных зольно-угольных скоплений, свидетельствующих об активных ритуальных действиях.

Поверхность, на которой стояли рассмотренные сооружения (№ 37, 110, 149), фиксируется на глубине от 15,4 до 14,0 м от вершины телля. Представляется бесспорным, что они взаимосвязаны и составляют определенную систему монументальных построек южного участка храмового комплекса. Система эта продолжается в северо-восточном направлении по дуге, соответствующей внешней, обводной стене (рис. 12). В этом аспекте в качестве аналогов Телль-Хазне I могут быть указаны храм Нинхурсаг в Телль-Убейде и Овальный храм в Хафадже [Delougaz, 1938, p. 1 – 11; 1940, p. 18, fig. 3; Tunca, 1984, p. 37 – 96, fig. 55, 58, 59; Sievertsen, 1998, T. 1, S. 92 – 95; T. 2, S. 112 – 114].

Чрезвычайно интересен и комплекс сооружений на той же поверхности, примыкавший к башне № 37 с севера, запада и востока. Прежде всего отметим квадратный двор, соединенный дверными проемами с двумя крытыми помещениями, в которых сохранились консоли, поддерживавшие плоские перекрытия. В небольшом помещении № 136 (2,5 × 2,3 м) расчищена прямоугольная кирпичная выкладка (1,25 × 0,6 × 0,8 м), являвшаяся, скорее всего, столом для жертвоприношений. Весьма близкие аналогии данному сооружению можно найти среди святилищ Овального храма в Хафадже. Поэтому есть основания считать святилищем и само сооружение № 136. Отметим, что сочетание открытых дворов с примыкающими к ним святилищами и прочими храмовыми строениями является одним из основных признаков культовой архитектуры древней Месопотамии. И здесь это сочетание представлено с предельной выразительностью. С востока к двору (№ 159) примыкало прямоугольное сооружение № 67 (4,4 × 3,25 м), замыкая анфиладу из трех соединенных дверными проемами построек. С севера другой проем соединял это сооружение с коридором, в свою очередь соединенным аркой с еще одним помещением. С юга же к этим помещениям примыкали две комнаты, огражденные основной храмовой стеной с контрфорсами. Весь рассмотренный комплекс мы называем условно Нижним храмом. Он располагался на второй террасе.

Со следующей террасой, на 4 м превышавшей нижнюю платформу, связаны сооружения так называемого Верхнего храма. Ограждавшая его с юга стена № 60 сохранилась на высоту 5,0 м и прослежена в длину на 9,25 м. И эта стена укреплена серией пилястров с узкими проемами между ними (см. рис. 5). Позже ее заметно укрепили и расширили, заложив и закрыв новой кладкой контрфорсы, а с юга к стене пристроили анфиладу из трех помещений. Далее к востоку стена (уже без контрфорсов) продолжается еще

на 11 м. С северной стороны к ней примыкает ряд помещений, в том числе массивное башнеобразное сооружение № 24 (3,5 × 35 м при высоте 6 м). Оно стояло на одной оси с башней (№ 37) Нижнего храма. В нижней части этого сооружения обнаружена большая кирпичная конструкция с выложенным кирпичами каналом (шириной и высотой 20 см) для отвода воды. Он подводит к отверстию в соответствующей стене. Укажем в данной связи, что различные водоотводные сооружения (каналы, открытые желобы, трубы) неоднократно встречались в храмах Месопотамии.

Не исключена возможность наличия и следующей – наиболее высокой – платформы. Об этом свидетельствует выявленное на вершине телля крупное прямоугольное сооружение с окрашенными стенами и скоплением керамики раннединастической эпохи.

Таким образом, архитектурный ансамбль Телль-Хазны I отличается чрезвычайной сложностью. Рассмотренные нами комплексы стояли на разных уровнях, подчиняясь при этом единому плану, что позволяет с уверенностью относить исследуемый памятник к числу “высоких храмов” (“high temples”), расположенных в отличие от “наземных храмов” (“ground level temples”) на одной или нескольких искусственных платформах. Так, Верхний храм стоял на 5 м выше Нижнего храма, а остатки постройки на вершине телля еще на 5 м возвышались над стенами Верхнего храма. Платформа последнего имела округлую или овальную форму диаметром более 85 м.

Традиция сооружения храмов на значительных искусственных возвышениях – террасах имеет в Южной Месопотамии глубокие корни. Построенные таким образом храмы зафиксированы уже в позднеубейдском периоде [Schmidt, 1974, S. 173 – 187; Sievertsen, 1998, T. 2, Abb. 13, 44]. Достаточно широко они представлены в эпоху Урука, особенно в период Джемдет-Насра. Хорошо известны храмы на высокой платформе в самом Уруке, прежде всего так называемый Белый храм периода Урука IV [Tunca, 1984, p. 103; Sievertsen, 1998, T. 1, S. 41; T. 2, Abb. 47, 51 – 54; Lenzen, 1974, p. 99], Эриду [Safar, Mustafa, Lloyd, 1981, p. 51 – 82, fig. 3], Телль-Укейре [Lloyd, Safar, 1943, p. 131 – 158] и др. “Высокие храмы” раннединастической эпохи отражают дальнейшее развитие храмовой архитектуры: на каждой платформе располагается уже достаточно сложный комплекс взаимосвязанных построек. Основные параметры подобных комплексов до наших работ удалось определить лишь в отмеченных выше храме Нинхурсаг и Овальном храме Хафаджи. Причем в обоих случаях и террасы, и постройки сильно разрушены эрозией. В этом плане значение Телль-Хазны I с ее поразительной сохранностью архитектуры трудно переоценить.

Однако данные отмеченных памятников, особенно Овального храма, представляются крайне важными

1

2

Рис. 13. Ожерелья (1) и сосуды (2) из погребений. Телль-Хазна I.

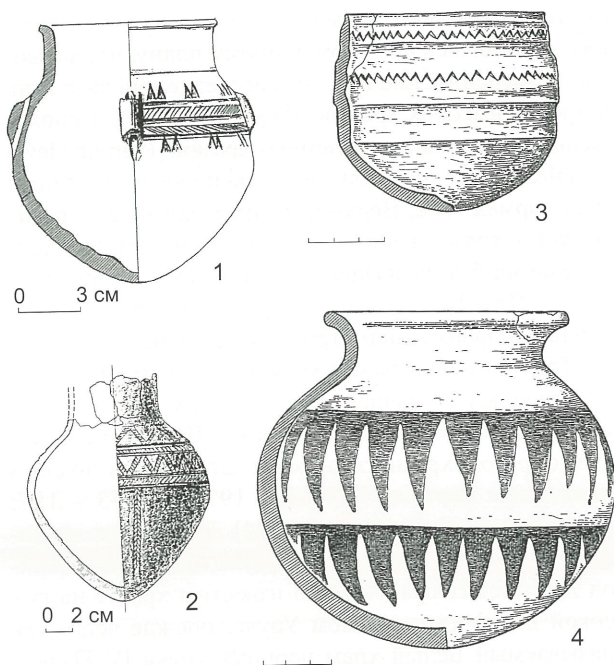

Рис. 14. Сосуды типа Ниневия V. Телль-Хазна I.

и для интерпретации материалов Телль-Хазны I. Сходство между этими памятниками прослеживается по целому ряду существенных признаков, таких как система обводных стен, террасный принцип расположения подчиненных единому плану сооружений, украшение стен основных сооружений пилястрами и цветной обмазкой, наличие арок, водоотводных сооружений, ремесленных участков, столов для жертвоприношений и т.д. Их объединяет и присутствие погребений, что подчеркивает сакральный характер памятников. Есть все основания говорить и о синхронности этих памятников. Как и Хафаджа, Телль-Хазна I относится к раннединастической эпохе. Это до-

кументируется и анализом достаточно выразительно-го вещевого материала Телль-Хазны I.

Прежде чем перейти к его рассмотрению, отметим, что в Телль-Хазне I открыто 31 погребение. Подавляющее их большинство датируется серединой и третьей четвертью III тыс. до н.э., т.е. временем, непосредственно последовавшем за прекращением функционирования здесь культово-административного центра. Причем эти погребения совершены не просто в культурном слое уже образовавшегося телля, а внутри заброшенных помещений, на разных уровнях их заполнения, на полах, в углах и даже между консолями перекрытий. Лишь два погребения (№ 15 и 17) относятся к периоду функционирования культово-административного центра. Одно из них совершено в глиняном сосуде, а другое – в кирпичной цисте. Оба захоронения детские, находились на полу в разных углах небольшой ритуальной постройки (№ 42), целиком засыпанной золой. В зольном заполнении мощностью около 2,0 м обнаружено свыше 40 глиняных зооморфных статуэток. Еще одно погребение, совершенное в материке, относится к самому началу существования культово-административного центра в период убейдской культуры. Особо подчеркнем, что 20 из 31 погребения принадлежали детям. Это обстоятельство требует еще дальнейшего изучения и осмысления.

Погребения многообразны. Четко выделяются три типа: грунтовые захоронения, погребения в кирпичных цистах и глиняных сосудах. Доминирующая поза взрослых людей – в скорченном положении на боку, головой на запад. Детские захоронения, как правило, безынвентарные, в то время как погребения взрослых сопровождаются инвентарем, иногда довольно выразительным. Помимо разнообразных сосудов (рис. 13, 2), в том числе типа Ниневия V (рис. 14, 3, 4), найдены бронзовые ножи, тесловидное и долотовидное орудия, шилья, булавки с петлей для подвешивания

и богатые ожерелья из каменных, хрустальных, пастовых бусин и ракушек (рис. 13, 1). Сравнительный анализ находок убедительно устанавливает вторую половину III тыс. до н.э. как *terminus ante quem* основной части погребальных комплексов Телль-Хазны I [Мунчаев, Мерперт, Бадер, 1990, с. 23 – 24]. Действительно, среди них нет погребений ни миттанийского периода (II тыс. до н.э.), ни тем более относящихся к I тыс. до н.э.

Но перейдем к анализу находок из раннединастического слоя Телль-Хазны I. Значительная их часть – керамика, в состав которой кроме посуды включены также глиняные очажные подставки, модели колес, антропоморфные и зооморфные статуэтки, отдельные пряслица и различные поделки. Достаточно многочисленны и орудия, связанные с земледелием: каменные зернотерки, песты, ступки, терочники и особенно кремневые и обсидиановые вкладыши серпов. Обнаружены также костяные пряслица, шилья и проколки, единичные бронзовые изделия – нож, булава, бусины. Особо выделим серию каменных и глиняных печатей (см. рис. 9).

Ввиду специфики памятника, связанного главным образом с земледельческим культом, рассмотрим прежде всего соответствующие категории находок. Общее количество зернотерок составляет не менее 150 [Munchaev, Merpert, 1994, fig. 32]. Они преимущественно ладьевидной формы и представлены как целыми экземплярами, так и фрагментами. Последние, как уже отмечалось, встречаются в камерах башни № 37. Поверхности всех зернотерок сильно сработаны, что свидетельствует об использовании их для помола зерна на месте. На это же указывают найденные здесь многочисленные ступки, терочники и песты.

Особенно многочисленны кремневые и обсидиановые вкладыши серпов. Они исчисляются сотнями, встречаются и в слое, и внутри культовых построек. Значительное их число сохраняет следы битума, использовавшегося для закрепления вкладышей в костяной или деревянной основе.

Казалось бы удивительным наличие на памятнике, не являющемся обычным поселением, такого значительного количества орудий, связанных с земледелием. Однако наличие в центральной ритуальной башне специального заклада с подобными вкладышами серпов свидетельствует не только о производственном, но и о сакральном их характере. Эти орудия документируют доминанту земледельческого культа, практиковавшегося здесь.

К сожалению, хронологическими индикаторами подобные орудия служить не могут, поскольку они почти не изменялись на протяжении ряда периодов, начиная с неолита. Но, во всяком случае, они ни в коей мере не противоречат определению Телль-Хазны I как памятника раннединастической эпохи (I – II периоды).

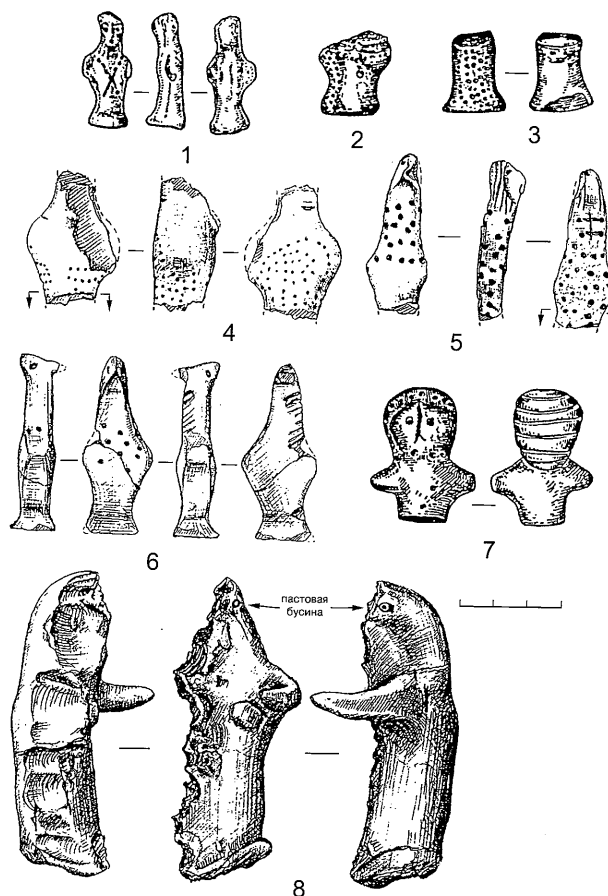

Рис. 15. Антропоморфные статуэтки. Телль-Хазна I.

Весьма значительна группа зооморфных статуэток. Общее количество их превышает 120. Отметим, что только в двух небольших культовых постройках (№ 42 и 56), в их зольных заполнениях найдено свыше 60 таких фигурок. Все они грубой лепки и слабого обжига, вполне вероятно, местного изготовления. На это указывает и место их обнаружения – внутри одной из небольших обжигательных печей, открытых на восточном участке Телль-Хазны I. В ряде случаев моделировка деталей статуэток позволяет идентифицировать их как изображения баранов, свиней и собак.

Изучение данной коллекции продолжается. Для нас совершенно очевидно, что зооморфная пластика из Телль-Хазны I продолжает длительную месопотамскую традицию, ведущую начало, по крайней мере, от халафской культуры. Наличие статуэток животных в таком количестве на памятнике, связанном с культом земледелия, вполне объяснимо. Ведь скотоводство играло в хозяйстве обитателей сирийской Джебзир в рассматриваемую эпоху чрезвычайно важную роль и активно сочеталось с земледелием.

Что же касается антропоморфных статуэток, то их на Телль-Хазне I найдено около 15 (рис. 15). Среди них как схематизированные, так и выполненные в

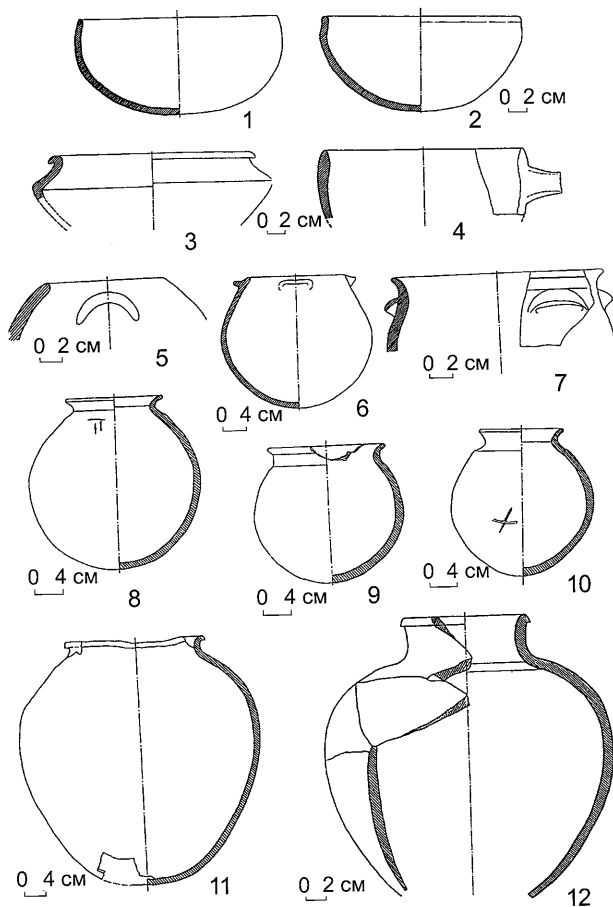

Рис. 16. Основные типы сосудов раннединастической эпохи. Телль-Хазне I.

реалистической манере. Фигурки стоячие, с расширенной и уплощенной базой, моделированными руками или отростками на их месте, цилиндрической или круглой головкой и намеченными (резьба или накладка) лицом, волосами, ожерельями. Выделяется статуэтка, найденная внутри сосуда, стоявшего в углу культовой постройки № 111. Она оригинальна, представлена левой половиной фигурки, хорошо выделены головка, левая рука и грудь (рис. 15, 8). С ней связана вторая миниатюрная скульптурка, как мы полагаем, изображающая младенца, сидевшего на ее руке.

Антропоморфные статуэтки Телль-Хазне I своеобразны, прямые аналогии им нам не известны. Поэтому и они не могут быть прямо использованы для датировки памятника.

То же самое можно констатировать и относительно ряда других категорий находок. Так, именно в раннединастическую эпоху были широко распространены в Ближневосточном регионе и смежных областях глиняные модели колес, в том числе с выступающей ступицей, в большом числе обнаруженные на Телль-Хазне I. Десятками встреченные здесь разнообразные глиняные очажные подставки находят прямые

аналогии в соответствующем слое Овального храма в Хафадже [Delougaz, 1940, p. 52; Tunca, 1984, p. 227], а также в целой группе памятников III тыс. до н.э. на Кавказе [Кореневский, 1995].

На Телль-Хазне I обнаружена значительная коллекция (более 100 тыс.) фрагментов разнообразных сосудов. Наибольшая часть ее относится к I – II периодам раннединастической эпохи, остальная же – к убейдской и особенно урукской культурам [Мунчаев, Мерперт, 1997, с. 20 – 22, рис. 13 – 19; Munchaev, Merpert, 1994, fig. 19 – 27].

Формы сосудов раннединастической эпохи – крупные пифосы и фляги и небольшие чаши, миски, горшки, “чайники”, сита, кубки, бокалы и др. – выделяются как сквозные, существовавшие начиная с Урука и далее на протяжении III тыс. до н.э. (рис. 16). Найденная у основания древнейших монументальных сооружений (№ 37 и 69), вкопанных в урукский слой, керамика почти вся, включая расписную, связана с урукской культурой. Это дает основание предполагать, что сооружение описанных массивных построек, т.е. начало строительства храмового комплекса на Телль-Хазне I, может относиться к позднему Уруку – к самому концу IV – началу III тыс. до н.э.

Представленная же в вышележащих слоях Телль-Хазне I как круговая, так и лепная керамика, повторяющая целый ряд урукских форм (и включающая в себя новые типы сосудов), датируется в целом в пределах первой половины III тыс. до н.э., т.е. I – II периодами раннединастической эпохи. Здесь выделяются сосуды типа “metallware” [Мунчаев, Мерперт, 1997, рис. 17, 11] и особенно типа Ниневия V [Там же, 1997, рис. 15, 1 – 6; 16, 15 – 17].

К настоящему времени в Телль-Хазне I найдено около 150 фрагментов тонкостенных сосудов группы Ниневия V, из них примерно 40 с росписью, а остальные украшены каннелюрами или резьбой, в том числе “метопным” орнаментом [Там же, рис. 17, 1]. Керамика с “метопами” известна на ряде памятников Северо-Восточной Сирии, в частности в Чагар-Базаре [Mallowan, 1936, fig. 1; pl. III, 1, 2], Телль-Ракае [Curvens, Schwartz, 1990, fig. 21, 1] и др. Особо отметим Телль-Лейлан, где сосуды с “метопным” орнаментом представлены в хорошо стратифицированном слое III-C, датированном II периодом раннединастической эпохи [Schwartz, 1988, fig. 31, 11, 14; table 13].

Исследования Телль-Хазне I свидетельствуют о том, что керамика типа Ниневия V существовала здесь на всем протяжении I – II периодов раннединастической эпохи и даже позднее, когда прекратил функционировать культово-административный центр. Доказательством этому служит и раскопанное в Телль-Хазне I погребение № 31, сопровождавшееся двумя характерными сосудами типа Ниневия V (см. рис. 14, 3, 4). Погребение впускное, нарушившее конструкции

перед южным входом в башню № 37. Напомним в этой связи, что керамика типа Ниневия V относится к периоду не позднее середины III тыс. до н.э. Данный факт подтверждает, что исследуемый памятник функционировал именно в первой половине III тыс. до н.э., а погребения, совершенные в его культурном слое, хронологически непосредственно за ним следуют. Как мы выше отмечали, сопровождающий эти погребения инвентарь датируется в пределах III тыс. до н.э.

Для датировки раннединастического слоя Телль-Хазны I важное значение имеют каменные и глиняные печати. Вместе с обломками общее их число составляет 12 экз. (см. рис. 9). Прежде всего рассмотрим печать, обнаруженную в закладе башни № 37. Для нас представляется несомненным, что устройство этого бесспорно ритуального заклада связано с завершением строительства башни – одного из основных сооружений храмового комплекса.

Что же из себя представляет эта печать? Она прямоугольной формы, размером $3,7 \times 2,9 \times 1,0$ см и изготовлена из белого камня, возможно, мраморовидного известняка (см. рис. 9, 1). По центральной оси проходит продольное сквозное отверстие для подвешивания. На лицевой стороне вырезано изображение льва и опрокинутого на спину копытного животного (вероятно, сцена терзания).

Половинка подобной же каменной печати ($4 \times 3,7 \times 0,9$ см) с продольным отверстием и близким сюжетом (лев и под ним козел (?)) найдена на Телль-Хазне I в квадрате XIX/17, на глубине 5,60 м (см. рис. 9, 3). Здесь же отметим еще одну печать, обнаруженную в квадрате XI/19, на глубине 11,70 м, в проеме стены № 47, который был заложен. Она также с продольным отверстием, но в отличие от первых двух изготовлена из черного камня (гепатита ?) и имеет округлую форму ($2,8 \times 2,5 \times 0,8$ см). На одной стороне вырезано изображение двух копытных животных (козлов (?)) с подогнутыми ногами (см. рис. 9, 2).

Описанные печати, как видим, объединяются общим стилем изображения. Подчеркнем, что они четко – по форме и сюжетам – сопоставляются с печатями из слоев XI, XII Тепе Гавры, датируемых концом IV – началом III тыс. до н.э. [Tobler, 1950, pl. CLXIV, 98, 100; CLXVIII, 145, 146, 152, 153, 156], и из позднеурукского слоя (период Джемдет-Насра) Чагар-Базара [Mallowan, 1947, pl. XX, 2, 34, 36]. Подобный стиль изображения представлен на печатях с широкой территории Ближнего Востока – от Малатьи в Турции до Суз в Иране, и везде он характерен для памятников отмеченного хронологического среза [Collon, 1988, p. 13 – 19, fig. 11, 17].

Таким образом, приведенные аналогии определенно указывают на принадлежность описанной группы печатей из нижних горизонтов рассматриваемого слоя Телль-Хазны I к позднеурукскому времени (или пери-

оду Джемдет-Насра), что соответствует концу IV – началу III тыс. до н.э. На эту же дату указывают и еще две печати из черного камня, связанные с древнейшими сооружениями храмового комплекса Телль-Хазны I.

Другую группу составляют пять цилиндрических печатей (см. рис. 9, 4 – 6), четыре каменные и одна глиняная. Показательно, что все они найдены в верхних горизонтах Телль-Хазны I и заметно отличаются стилистически и по форме от вышерассмотренных. Для изображений на них характерны геометрические и сильно схематизированные растительные мотивы. Типичны шевроны, углы, двойной или многорядный зигзаг с точечными вдавлениями внутри углов, ветви и листья, а также “herring bones”. Печати с подобным стилем изображений, как показало исследование Д. Коллон, столь же широко распространены на Хабуре (Сирия), в Турции (Алалах VI), Ираке (Овальный храм в Хафадже, Ниневия, Ур и др.), Израиле (Арат), Иране (Сузы) и др. [Collon, 1988, p. 20 – 31, fig. 40 – 52]. Автор убедительно датирует их раннединастической эпохой, а именно 3000 – 2234 гг. до н.э. [Ibid, p. 7 – 20], что подтверждает наш вывод относительно времени функционирования Телль-Хазны I.

Подводя итог, можно с достаточным основанием констатировать, что широкомасштабные и целенаправленные исследования российской экспедиции в Ираке и Сирии, подчиненные решению как общен historiческих проблем, так и конкретных вопросов археологии Месопотамии и ее древнейшей истории в целом, привели уже сейчас к чрезвычайно важным результатам. Существенный вклад внесен в изучение процесса становления производящего хозяйства в Месопотамии, открыта древнейшая раннеземледельческая культура, позволяющая определить время и пути заселения и освоения великой месопотамской долины, впервые получены данные о древнейшей металлургии Месопотамии, свидетельства эволюции домостроительства, планировки поселений, ряда основных производств, развития социальных структур, духовной жизни, искусства. Охвачен огромный хронологический период – от VIII до III тыс. до н.э. включительно, т.е. фактически вся история дописменной Месопотамии, являющаяся эталоном для определения общих закономерностей древнейшей истории человечества и начальных этапов сложения государственности и цивилизации. При этом коренным образом изменены представления о роли Сирийского региона в отмеченных процессах. Если прежде он рассматривался как маргинальная область, периферия развитых культур Средней и Южной Месопотамии, то ныне есть все основания считать его регионом, фактически не отстающим от последней, отмеченным активным и оригинальным культурно-историческим процессом, начиная с самых ранних его этапов.

Список литературы

- Бадер Н.О.** Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – 368 с.
- Гаджиев Д.В.** Фауна с поселения Телль-Магзалия // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – Прил. 3. – С. 297 – 299.
- Корневский С.Н.** Галюгай I – поселение майкопской культуры. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. – 189 с.
- Лисицына Г.Н.** Древнейшие палеоэтноботанические находки в Северной Месопотамии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – Прил. 2. – С. 291 – 296.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1981. – 320 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Погребальный обряд племен халафской культуры // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982а. – С. 28 – 49.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Поселение убейдской культуры Ярм-Тепе III в Северной Месопотамии // СА. – 1982б. – № 4. – С. 133 – 149.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Второе открытие Месопотамии // Наука в СССР. – 1983. – № 2. – С. 56 – 61.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. – 1997. – № 2. – С. 5 – 28.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Северная Месопотамия в свете новейших исследований // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 67 – 69.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.** Российские археологические исследования в Месопотамии // Исторические записки. – 1999. – № 2. – С. 296 – 318.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.** Телль-Хазна II: Раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. – 1993. – № 4. – С. 25 – 42.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О.** Телль-Хазна I: Исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии // СА. – 1990. – № 3. – С. 5 – 24.
- Рындина Н.В.** Медное шило из Телль-Магзалия // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. – М.: Наука, 1989. – Прил. 5. – С. 302 – 311.
- Amiet P.** Representations antiques de constructions suisses // Revue d'Assiriologie. – 1959. – Vol. 53. – P. 39 – 41.
- Collon D.** First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. – Chicago: University of Chicago, 1988. – 208 p.
- Curvers H.H., Schwartz G.** Excavations at Tell Raqqai // Journal Archaeology. – 1990. – N 94. – P. 3 – 24.
- Delougaz P.A.** A Short Investigations of the Temple at Al Ubaid // Iraq. – L., 1938. – Vol. 5. – P. 39 – 41.
- Delougaz P.A.** The Temple Oval at Khafajah // Oriental Institute Publications. – Chicago, 1940. – N 53. – P. 1 – 11.
- Early stages** in the evolution of the Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Northern Iraq / Eds. N. Yoffee, J. Clark. – L.; Tucson: Arizona University Press, 1993. – 285 p.
- Fortin M., Cooper L.** Canadian Excavations at Tell Atij (Syria) // Bulletin of Canadian Society for Mesopotamian Studies. – Quebec, 1994. – N 27. – P. 33 – 50.
- Frankfort H.** Archaeology and the Sumerian Problem. – Chicago: Oriental Institute, 1932. – 72 p.
- Huot J.-L.** Les Premiers Villageois De Mesopotamie: Du village a la ville. – P.: Armand Colin, 1994. – 223 p.
- Lenzen H.** Die Architektur in Eanna in der Uruk IV period // Iraq. – L., 1974. – Vol. 36, pt. 1/2. – P. 115.
- Lloyd S.** The Archaeology of Mesopotamia. – L.: London University, 1978. – 252 p.
- Lloyd S., Safar F.** Tell Ugair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // Journal of Near Eastern Studies. – Chicago, 1943. – Pt. 2. – P. 131 – 158.
- Lloyd S., Safar F.** Tell Hassuna // Journal of Near Eastern Studies. – Chicago, 1945. – Pt. 4. – P. 266 – 289.
- Mallowan M.E.L.** The Excavations at Tell Chagar Bazar and Archaeological Survey on the Habur region 1934 – 1935 // Iraq. – L., 1936. – Vol. 3, pt. 1. – P. 1 – 59.
- Mallowan M.E.L.** Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. – L., 1947. – Vol. 9. – P. 1 – 259.
- Mellaart J.** The Neolithic of Near East. – L.: Thames and Hudson, 1975. – 300 p.
- Merpert N.Ja., Munchaev R.M.** Yarim Tepe III. Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. – L.; Tucson: The University of Arizona Press, 1993. – P. 163 – 205.
- Munchaev R.M.** The Halaf culture: Peculiarities of the V mil. B.C. North Mesopotamian Architecture // Al-Rafidan. – Tokyo, 1997. – Vol. 17. – P. 69 – 79.
- Munchaev R.M., Merpert N.Ja.** Da Hassuna A Accad. Scavi Della Missione Russa Nella Regione Di Hassake, Siria Di Nord-Est, 1988 – 1992 // Mesopotamia. – Firenze, 1994. – Pt. 24. – P. 5 – 48.
- Oates D. and J.** The Rise of Civilization. – L.; Tucson: The University of Arizona Press, 1976. – 151 p.
- Oates J.** "An Extraordinary Ungrateful Conceit": A Western Publication of Important Soviet Field-studies // Antiquity. – 1994. – Vol. 68, N 261. – P. 882 – 885.
- Pittman H.** Pictures of an administration the late Uruk scribe at work // Between the rivers and over the mountains. – Roma, 1993. – P. 235 – 246.
- Safar F., Mustafa M.A., Lloyd S.** Eredu. – Baghdad: State Organization of Antiquities, 1981. – 359 p.
- Schmidt J.** Zwei Tempel der Obere Zeit in Uruk // Baghdader Mitteilungen. – Berlin, 1974. – S. 173 – 187.
- Schwartz G.-M.** The Ninevite V Period and the development of complex society in northern Mesopotamia // Paleorient. – P., 1987. – Vol. 13/2. – P. 53 – 70.
- Schwartz G.** Ceramic Chronology from Tell Leilan Operation 1. – New Haven; L.: Yale University Press, 1988. – 256 p.
- Sievertsen U.** Untersuchungen zur Pfeiler-Nischen Architektur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfängen im 6. Jantansend bis zum Ende der frudynastischen Zeit. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – T. 1, 2. – 167 S.
- Tobler A.J.** Excavations at Tepe Gavra. – Philadelphia, 1950. – Vol. 2. – 260 p.
- Tunca O.** L'architecture religieuse protodynastique en Mesopotamie. – Leuven: Leuven Peeters, 1984. – P. 200.

Материал поступил в редколлегию 14.08.2000 г.